

БДМ: Как бы вы охарактеризовали настроения людей в этот кризисный год: просто терпеливое приспособление к обстоятельствам — или стремление вырваться из заколдованного круга стагнации?

Скорее именно терпеливое приспособление. Однако терпение, хоть и велико, не бесконечно. «Конфликт желудка с телевизором», на который уповают прозападные силы в России, будет обостряться. И если государство не перейдёт от убивающей страну политики стабилизации, скопированной с 1990-х,

к организации развития, сорвёт нас в болезненный и разрушительный системный кризис.

БДМ: Что же в таком случае сулит нам наступающий год? Ждать от него новых проблем — или всё-таки возможны варианты?

В 2016 году экономический спад может быть таким же, как в этом, или даже чуть ниже, но это — сугубо статистический эффект. На деле ситуация будет ухудшаться, негативные количественные изменения будут готовить

качественный срыв — так что твёрдо прогнозировать сохранение пусть и ухудшающейся, но стабильности мы можем лишь до конца июля. К этому времени рубль заметно ослабнет, а уровень жизни ещё более снизится. После этого мы войдём в зону неопределённости: мы можем сорваться в новую «смуту» уже в августе 2016-го, а можем и в 2018-м, хотя я в столь длительной устойчивости сильно сомневаюсь. Равно как и в том, что наше государство сможет одуматься — и всерьёз заняться развитием. ■■

НАСТРОЕНИЕ — ОСЕННЕЕ

БДМ: Яков Моисеевич, первый вопрос — традиционный: как оцениваете уходящий год? Очевидно, что он был трудным, но насколько к этим трудностям оказалась подготовленной экономика страны в целом и банковский сектор в частности?

Это год сильнейших внешних вызовов (укрепление доллара, падение мировых цен на сырьё, шаги по вытеснению России с европейского рынка сырья, технологический и финансовый бойкот), требующий сильных ответов по стимулированию роста внутреннего спроса и предложения. Таких ответов не было дано. И экономика, и банковский сектор болтались на волнах, как мелкие судёнышки, следуя за «внешними поводками», еле удерживаясь на плаву. Следствие — минусы в производстве, растущие риски в банковской системе.

БДМ: А если чуть подробнее: например, какое событие стало самым негативным и в наибольшей степени сказалось на развитии экономической ситуации в России? И — соответственно, какие отрядные и обнадёживающие моменты вы бы выделили?

Негативна — как событие — сама финансовая политика. Сверхвысокий

процент при крайне холодной денежной и кредитной политике (падение монетизации и насыщенности кредитами), ползучем росте налогов, увеличении регулятивных издержек, удерживании рубля большую часть года в зоне «умеренно переоценённого». Кризисной экономике в условиях таких жёстких денежных ограничений ещё хуже. Продолжалось наращивание сверхконцентрации и огосударствления в банковском секторе (так же, как и в экономике в целом) при сокращении численности всех видов финансовых институтов, включая банки, на 8–10% в год. Это политика «финансового опустынивания» вместо «финансового развития», которое, конечно, гораздо сложнее по исполнению — когда нужно пройти по острию ножа, чтобы не скатиться в гораздо большую инфляцию или не вызвать бури в счёте капитала.

Из позитивного: рост производства продовольствия, фармацевтики (эффект девальвации рубля и продовольственного эмбарго), стабилизация экономики на «более низких уровнях», хотя и во многом за счёт роста оборонных расходов и бума в военно-промышленном комплексе. Ещё — негласное подавление государством немонетарной инфляции,

ограничение роста цен и тарифов естественных монополий уровнем в 2–3 раза ниже инфляции. Но самое главное — сохранилась основа экономики, пусть и сократившаяся на 20–35%: поток сырья против встречного потока валюты, положительное сальдо торгового баланса. Всё то, что исправно доставляло хлеб с маслом год за годом.

БДМ: Одной из самых сложных проблем, препятствующих выходу экономики из кризиса, эксперты единодушно называют падение спроса — потребительского, инвестиционного и в конечном счёте спроса на банковские услуги. Как вы оцениваете глубину провала и с чем связываете возможность его преодолеть?

Падение розничного товарооборота за сентябрь 2015 года (к сентябрю 2014-го) — 10,4%, платных услуг населению — 4,5%. Все это в номинале, в рублях, значит, в физическом измерении, а с учётом инфляции выше 15% — ещё больше. Реальная заработная плата снизилась на 9,7% (Росстат). За всем этим — падение потребительского спроса. Норма инвестиций упала с 23,7% в 2012-м до 19,9% в 2014-м и 18,7% в 2015 году

